

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Продолжение. Начало см. в №№ 5, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 19, 21, 22, 24, 30, 32, 35, 39, 47.

Далее автор книги сообщает, что в XVI веке наша литература на родном языке пережила бурный подъём и сильнейшие образцы отечественной поэзии долетели с чужбины до родной земли.

О, горе, что «яр» (возлюбленная) мне яром не стала всецело
Наперсницей близкой (души) не стала всецело.
Или:
Благо, если «сервиназ» явит милость горемычным,
Шахам черни порадеет делом явится привычным.
И ещё один байт, проникнувший тем же духом:
Горе, не спросила «яр», ты какой сражен напастью,
Не услышал слов участия я от «яр» моей, к несчастью.

«И эти стихи, звучащие вдали от Азербайджана, в багдадском далеке, дышащие чистыми, опитоными ветрам азербайджанской поэзии, рождались не в Азербайджане, а в Индостане... Вслушиваясь в печаль ностальгических строк, в горестные вздохи тоскующих строк, ощущаешь, что Байрам хан, привыкший всегда находиться в гуще народа, впереди воинства великой державы, по сути, был одинок в многолюдном окружении... И эту одиночку, переживаемую молча, боль, которую таил Байрам хан в себе, раньше всех почувствовал зоркий Хумаюн. Хумаюн – император, в 1554 году удостоивший верного друга титулом «хан-ханан» – «хан ханов», назначивший его наместником в Гандахаре, добавил необычный пассаж к своему фирману, который носит несколько поэтический и личностный характер. На основании этого добавления к фирману все представители рода Бахари, по договорённости Хумаюна и Шаха Тахмасиба, переселились в Гандахар. Пусть Байрам хан будет всегда среди людей своего племени, ощущает, что у него есть тыл и заслон. То, что Хумаюн вставляет в серьёзный государственный вердикт такую неофициальную, человеческую и добрую ноту, заслуживает внимания... Вероятно, общение его с сородичами, бахарликами, было отродно душе тем, что с ними можно было разговаривать на родном языке», – пишет Р.Гусейнов на страницах 586–587.

Из дальнейшего повествования мы узнаём о том, что ещё в пору своего регентства при юном Акбаре у Байрам хана созрела идея создания медресы тюркоязычных поэтов Индостана, которую он и осуществил.

«Участники этих средневековых литературных медрес, их состав, их наследие ждут своего изучения, и тогда обаяться и выйдут на свет Божий многие яркие страницы нашей поэзии.

Ещё одна сфера – поэтические реликвии семьи Байрам хана, она пока ещё остаётся нераскрытой книгой, присущей нашей классической поэзии... В частности, сын Байрам хана Абдулрагим сочинял стихи на четырёх языках – хинди, фарси, арабском и на родном языке. Спутница жизни Байрам хана Салима Султан-бейим писала стихи под псевдонимом «Мафхи». В поэме «Хумаюн наме» Гольбедин Бейим немало лестных слов о её поэтическом даре».

Далее мы узнаём о том, что впервые стихи Байрам хана были изданы в 1910 году в Калькутте благодаря труду и заботам Э.Деннисона-Росса. Много позднее, в 1971 году, в Карачи был издан сборник «Диван» поэта, написанный на фарси и на тюркском с обширным предисловием Махмуда Мухаммеда Сабра (Турция) и Сейда Хусамеддина Рашиди (Пакистан), а также иллюстрациями – копиями из миниатюр в рукописи «Абкарнаме», хранящейся в Оксфорде. В книгу вошло 1956 строк, из них 618 байтов, написанных на фарси, 360 байтов – на тюркском.

Нехаведн, приводящий образцы из творческого наследия Байрам хана (836 строк) в «Маасир-и Рахими», отмечает, что при составлении пользовался «Диваном» поэта из 4-х тысяч строк. Очевидно, даже эти «Диван» не являлся исчерпывающим.

О, забывшая меня, хочешь верь, а хочешь – нет.
Я в объятиях огня, хочешь верь, а хочешь – нет.
Не преступил мой порог, не хожу к тебе и я.
Расставание кляня, хочешь верь, а хочешь – нет.
Это ещё полбеды, даже о себе самом
Ничего не знаю я, хочешь верь, а хочешь – нет.
Жизнь моя черным черна, как и волосы твои.
Застыл ночь сиянье дня, хочешь верь, а хочешь – нет.

В тактом духе и настроении излагал стихи Байрам хан, оглашая на поэтических медресах, которые созывал сам возглавлял, здесь звучали и импровизации, экспромты, и кита, и назире – посвящения и другие стихотворные образцы.

Лучших и отличившихся он не оставляет без поощрения и наград. Сандилун в «Махзан аль-гариб» – «Сокровищнице чудес» сообщает, что Байрам хан щедро вознаграждал Хашима Гандахари за стихи, заслужившие всеобщее одобрение медресис, одарив его ста тысячами «тенге».

Байрам хан поощрял и награждал воспитавших его талантливых авторов. Тем самым он повышал престиж своих литературных медресис и... способствовал распространению тюркоязычного поэтического слова

в Индостане, – пишет автор книги на странице 591.

Вот одна из проникновенных газелей Байрам хана:
Ах, злодейка, не жайся с кем попало, не водись,
Если друга обрела ты, не бросай, не сторонись.
Хорошо душе любиться, но молва нехороша,
Злоязычных и злословных пересудов берегись.
Искони измена ходит по пятам за красотой,
На неверных не равняйся и до них не опустишь.
Грех, предательство неверных, и греха ты устыдишь.
Нет к Байраму мало-мальски милосердия у тебя,
И, являя небрежность, не красуюсь, не кипись.
Или ещё:
Неизбыточно печально извожусь, страдаю я,
Знаешь ли об этих путях? Думаю – гадаю я.
То прозвизг кинжал разлики, то тоска возьмёт в тиски,
Разрывая грудь мою, кровью истекую я.
То воспряну в миг свидания, вновь истив живой воды,
Разлучаясь и оттаясь, снова погибаю я.

Знакомая читателей с этими и другими газелями – исповедания Байрам хана, автор акцентирует наше внимание на том, что мы их до сих пор не слышали.

«Как любой незаурядный художник, оставивший слово на земле, он имеет право быть услышанным, хотя бы на родине, в Азербайджане. И не будем ущемлять это право», – справедливо замечает академик Гусейнов на странице 595.

И мы должны быть благодарны ему за то, что он предоставил нам уникальную возможность познакомиться с нашим талантливым соотечественником. В противном случае, мы никогда не узнали бы о том, что пятью веками раньше жил не только отважный полководец, но и замечательный поэт, любивший, несмотря на все перипетии средневековья, и говоривший на своём родном – азербайджанском языке, оказавший своим творчеством влияние на современников и продолжателей. Среди них правитель Хумаюн с несколькими дошедшими до нас рубаяи, «схожих по ладу и строению с четверостишиями поэзии Байрам хана». А ностальгические нотки его поэзии всё громче слышатся в поэтических произведениях Акбара – «многодогодочного правителя Великой Империи моголов, ролившегося в Индостане, сформировавшегося под опекой своего воспитателя Байрам хана». Это полусюжетно автор характеризует, как самую светлую, самую блаженную пору Байрам хана.

«Впереди его ждали неотвратимые дни неурядиц, дни невзгод, чёрные тучи надвигающихся гроз...» – сообщает автор на странице 597, – Махмуд Гасан Сиддиги называет годы его регентства при несовершеннолетнем Акбаре «эрой Байрам хана», когда бразды правления были фактически в его руках. Но вот подросший Акбар взойшёл на престол... И, казалось бы, ничего не должно омрачать это служение – ведь на троне внук Бабура, открывший Байрам хану дорогу славы, ведь это сын его верного друга, по-братски любимого Хумаюна. Кроме всего прочего он – родня. Байрам женат на тётке молодого монарха – Польрух».

Но начинаются закулисные игры завистников, козни царедворцев, которые, как мы уже знаем из предыдущих глав этой замечательной книги, сопутствуют жизни всех талантливых и приближённых благодаря своим недожимным способностям к ценностям особам. Не избежал этой участи и Байрам хан. Единственной его самозащитой становится слово, с помощью которого он пытается вернуть Акбара.

Коль напешут тебе слухи, измышления, не верь,
И в усердных услуги окружения не верь,
Дескать «предая огласке твою тайную любовь»,
Никому не выдал тайну воцеления, не верь.
Тень наводят на плетень клеветно каждый день,
И чернат без стыда и смущения, не верь.
За услуги прислуги домислы моих врагов,
Катят бочку на меня, нет сомнения, не верь.
Верноподанного сколько ни мучь, ни пытай,
Но Байраму хватит силы и терпения, не верь.

«В 1560 году Акбар всё же лишает поэта титула «хан-ханан» и выводит его из состава правителей, изгоняя из дворца. Более того, – читаем на страницах 598–599, – в пылу ярости он посылает вдогонку ослепшему акакалу вооружённый отряд. Но Байрам хан удаётся скотить небольшие воинство из числа преданных соратников. На всякий случай он всё же посылает ещё одно письмо Акбру, на сей раз не в стихах, где излагает истинное положение вещей и заявляет о своей невиновности. Акбар отвечает укоризненным, раздражённым, резким письмом... Байрам хан приказывает своему отряду занять осаду и дать бой преследующим их войскам Акбара. Этот последний бой славного Байрам хана завершается его поражением.

Он уцелел, остался жив, но попал в плен. Очевидно, эти чёрные дни отозвались в эти печально-раздумчивые строки:

Сперва меня приблизили и прославили,
Вниманием на медресисах не оставил,
Что же теперь любезности оставил,
Пред миром всем унизил и оставил?

Из повествования на странице 601 узнаём о том, что Байрам хан в надежде на лучшее через близкого

Мухаммед Байрам хан

соратника Джамала отправляет ещё одно письмо Акбру. Чт в нём было написано, неизвестно, но правитель прощает его, возвращает во дворец и даже возвращает Байрам хану все его титулы, но государственного поста ему не даёт.

Однако, те, кто рассорил его с правителем, не дремлют.

Они устраивают дела так, чтобы Байрам хан отправился в паломничество. В 1561 году вместе с женой, сыном и сопровождающим его отрядом он отправляется в Мекку. По пути, когда он захотел в одиночку уединиться в лесу, чтобы собраться с мыслями, на него напали 40 вооружённых афганцев из числа его старых врагов. В 1555 году, во время сражений во имя защиты государства Моголов, Байрам хан убил одного афганца из племени Лахи, который отказался ему подчиниться. Ныне их главарь – сын убитого Мубарак Лахи обнаружил свой кинжал и упёрся им в спину пленника...

«Верные сподвижники, несколько смельчаков из рода Бахари, успели вырваться из рук врагов его жену и сына и доставить их в Ахмедабд. Убитый Байрам хан был похоронен там же, в урочище «Патан» возле усыпальницы Шейха Хусамеддина. «Патан» – это слово созвучно с «Вэтэн» – «Родиной». Но здесь была индостанская земля. Для погибшего поэта – чужбина...»

Ровно через 17 лет, – читаем на странице 606, – в 1578 году, родственники покойного прибывают в Индостан и увозят его останки в город Мешед, где они жили, и предают их земле на кладбище возле могилы имама Ры. Старинные авторы пишут, что Акбар шах был потрясён смертью о гибели Байрам хана, скорбел о нём, памятуя о великих заслугах его перед могольскими властителями, взял сына поэта Абдулрагима на своё попечение.

Вернёмся к строке «Дескать «предая огласке твою тайную любовь» из его стихотворения, опубликованного на странице 598той главы. Честно говоря, читая её дальше, я ждала, когда же автор выполнит своё обещание пояснить, что же это за «тайная любовь». Оказалось ею была жена Байрам хана, на которой Акбар женился после его гибели... И истории расценили этот брак как положительный поступок...

«В начале 80-х годов незабвенный Газзавфар Алиев поведал мне в Москве о своей задумке написать книгу о Байрам хане, его представляющую последнего гугубо азербайджанским поэтом, – пишет автор на страницах 609–610. – Он сообщил мне о найденной им рукописи стихов Байрам хана, написанных в молодые годы в Индостане. Но не судьба была! Вскоре после нашей встречи смерть оборвала жизнь учёного, не позволив ему осуществить это намерение.

Фортуна разлучила Байрам хана от колыбельной земли, но поэт и вонитель Байрам хан никогда не расставался с родом Бахари. Не в силах время оторвать поэта от потомков, внуков и правнуков!

Один цветок не делает весны. Это несомненно. Весна – это роскошь многоцветья, полифония голосов, и каждый цветок в этой панораме имеет свой неповторимый аромат, своё незаменимое место.

При забвении таких корифеев, как Байрам хан, оскудеет наша великая поэзия, обеднеют её цветущие кущи! Такими образными сравнениями, звучащими скорее, как назидание каждому из нас, автор книги завершает предпоследнюю главу своей книги.

Подготовила Медина ГАСАНОВА.